

17 июня 1984 года + № 141 (21083) —

творческий портрет

Талант жизнеутверждения

ШУМИТ привокзальный базарчик, «хитрушка». В превеликой толчее — двигается по домам отвоёванная, победившая страна — суетится со своей кривой-самодельской, с брусками дед, водит по лезвию, приговаривая:

— Берем косу, забываем лезвие, забываем лезвие, делаем на бух!

А глаза удивительно знакомые.

Ну конечно же, Кадочников! В новом фильме «Я тебя никогда не забуду». В других эпизодах фильма артист иной: даже костюм не из студийного гардероба, а собственный, и почти без грима — в роли «ст автора». Он и есть полноправный автор этой картины — сценарист, постановщик, исполнитель нескольких ролей. И пост он здесь, и на баладашке играет. Поет песни старые — еще военных лет. А дед на пристанционной «хитрушке» увиден им когда-то на уральской деревенской ярмарке, в далекой Бикбарде, где в трудные годы оказалась семья Кадочниковых, жившая до того в самом центре Петрограда — в огромном доме напротив тогдашней Александринки.

Увиденное, пережитое, передуманное, откладывавшееся в памяти, переплавляется порой в неожиданные, ждущие своего часа. И сумма того, что помнит и знает о себе и других человек, как понимает, оценивает все это, во многом определяет личность.

Дни в семье Кадочниковых начинались со стихов. Отец читал «Утро» Никитина: «Далеко-далеко колокольчик звенит, рыбаки в шалаше пробудились...». Потом Кадочников-младший уже знаменитым артистом в своих акварельных рисунках, к которым обращается в часы между съемками, напишет и такие вот «никитинские» рыбацки и охотничьи места, и эту «колокольчиковую», пронизанную звоном любимую родинскую ширь.

«Не боли ты, душа! отдохни от забот! — читал отец. — Здравствуй, солнце да утро веселое!». Еще не ведая про близкие беды, про то, как его, председателя уральского комбедла, схватят колючковцы и приговорят к расстрелу, про внезапный тиф, про покойничку, в которой, пролежав сутки среди мертвецов, булет разрыскал друзьями отбывшими белых. Эта тяжелая память детства отложилась в душе будущего артиста, сформировав характер, сочетающий подчеркнутую простоту с внутренней твердостью, с полными мужеством. Это органичное сочетание и стало сутью знаменитых кадочниковских образов.

Только в кино их было 60. Впрочем, сколько точно — Павел Петрович и сам не знает: «Никогда не считал. много. Да ведь еще и в театре, в Новом ТЮЗе тоже приходилось играть едва ли не во всех спектаклях — от Леля до 102-летнего патриарха в «Борисе Годунове». Каков диапазон! А ведь есть и нечто объединяющее всех — я молодой композитора Алешу Мухоморова из фильма «Антон Иванович сердится», и разведчика Федотова из неумирающего «Подвига разведчика», полнокровного прародителя всех разведчиков из сегодняшних знаменитых фильмов, и летчика Алексея Мересьева из «Повести о настоящем человеке». В каждом характере, раскрытом Кадочниковым на экране, было сильно жизнеутверждающее начало.

— Меня всегда привлекали в людях человеческая чистота и непоказное мужество, — говорит актер. Непоказное мужество героев Кадочникова, наверное, оттого особенно и полюбилось зрителям военных и послевоенных лет, что оно

выражало многие лучшие черты этого поколения.

В отличие от иных актеров, которые, как дипломатичные родители, стараются утверждать, что все дети их одинаково им любя, Павел Петрович не скрывает своих творческих пристрастий.

— Иногда, — говорит он, — зритель смешивает роль с исполнением. В «хорошей» роли, даже если она исполняется неудачно, зритель все равно следит за тем, что «будет дальше». А сам смотришь и думаешь: «Нет, это совсем не получилось!». А иногда я наоборот.

Он любит своего инженера Рыбальченко из фильма «Медовый месяц» режиссера Н. Кошеверовой. Или роль писателя Романа Роллана в фильме «Жизнь Бетховена». Во внешности актера было мало сходства с великим писателем Франции, но актер играл его так, что стал на него похожим. По сценарию следовало произносить только написанное самим Роменом Ролланом, и Кадочников стремился передать лишь логику сказанного, суть. Мысли о музыке, искусстве должны были стать как бы его собственными. Так постигалась суть образа.

ДОЛГО говорили: для Кадочникова период расцвета — это «Антон Иванович сердится», «Подвиг разведчика». Но сейчас получилось иначе. У каждого самого крупного мастера бывают трудные годы. Были они и у Кадочникова, когда он стал сниматься меньше. Но продолжал работать, как всегда, — много, настойчиво, не сдаваясь. И вот, неожиданно для многих, но только не для тех, кто его знает хорошо, он появился в фильме «Неоконченная пьеса для механического пианино» в чрезвычайно интересной роли старика. Вскоре — в «Сибиряке» вечным дедом. И родился новый Кадочников, о котором сразу заговорили и зритель, и критика.

Есть в нем какая-то не проходящая с годами легкость. Не от стремления, ни на чем не задерживаясь, прикоснуться ко всему играючи, ничем серьезно не утруждая себя, а от органично существующей внутренней силы, от неслыханного удивления перед жизнью во всех ее проявлениях. Он менялся вместе со своим поколением, обретая глубину, наследуя лучшее — оптимизм, стойкость, мужество. Творя самого себя, он, сталкиваясь с немалыми трудностями, не утрачивал главного — спокойной доброты, человечности, работоспособности, высокой требовательности к себе, оптимистического мировосприятия — черт, которыми наделены и лучшие из его героев на экране.

Таково кино. Актерская профессия не только труд, как и во всякой профессии, но это и постоянное, напряженное самовоспитание, тренировки, особое отношение к своему «орудию производства» — самому себе. С умелой вспоминает сейчас Павел Петрович себя, то немого пятнадцатилетнего первокурсника театрального

техникума, явившегося на занятия в спортивный зал, где занимались, как казалось тогда, одни могучие атлеты. Преподаватель сказал тогда: «Ничего, парень, костяк у тебя хороший, а мяса наберешь». Он «набирал мясо», занимаясь боксом, до тех пор, пока руководитель курса режиссер Б. Зон не предложил выбрать между театром и спортом.

Зато в «Запасном игроке» играл Дедушкина, выступающего на ринге без дублера. А когда фильм вышел на зарубежный экран, один из американских критиков написал: в главной роли снимался профессиональный боксер. И в «Укротительнице тигров» при съемках на мотоцикле обходился без дублера, став с годами опытным мотоциклистом и автомобилистом. За всем этим стоял нелегкий труд. В студенческую пору, отправившись во время каникул с друзьями на юг, таскал самый тяжелый рюкзаки: исправлял осанку, чтобы не казаться сутулым. Переходил вброд с немалыми тяжестями через ледяные горные речки. Закалялся.

Да и встречи зрителей с актером в зимние месяцы могут проходить не только в кинотеатрах, а в какой-нибудь совсем экзотической обстановке, кажущейся ему, впрочем, обычной, — скажем, на Неве, у кромки льда, среди знаменитых ленинградских «моржей», в клубе у которых Кадочников долгое время состоял «президентом». В числе первых — еще до войны — начал купаться в Неве зимой. Впрочем, рассказы об увлечениях знаменитого артиста стали обрастать легендами. Игра на гуслях? Да. Но не хобби, а часть профессии. Играет он и на гитаре, на баладашке, на гармонии, на жалейке.

Ведь и литератор еще. Не только автор нескольких книг об актерском искусстве. Рассказы его публикуются, читаются с эстрады. И стихи пишет. Голос молодого Кадочникова — лирико-драматический тенор — записан на нескольких пластинках. Об акварельных рисунках уже говорилось.

ОН ВСЕГДА в делах. Кроме творческих, множество общественных — член парткома «Ленфильма», секретарь правления Ленинградского отделения Союза кинематографистов, член правления Союза кинематографистов СССР, председатель актерской секции, руководитель военно-патристической комиссии. Рядом с тремя лауреатскими значками в торжественных случаях он надевает еще один — «За культурное шефство над Вооруженными Силами СССР».

В военные годы — во время перерыва в спектаклях в театре — пришлось поработать ему в угольной шахте, в Кузбассе, где не хватало рабочих. Впервые держал в руках отбойный молоток. «Все сильнее и сильнее, — вспоминает артист, — давил я на живой, вырывающийся из рук молоток. Наконец отвалилась первая глыба угля. Я перевел дыхание, вытер со лба пот и снова вонзил острый зуб отбойного молотка в черное тело угольного пласта. И снова отвалилась глыба, немножко побольше. Вдруг сквозь грохот отчетливо донеслось: «Уголь давай, давай!» И опять, до боли сдавив челюсти, напрягая последние силы, я стал копать... И когда мы снова шли по хлюпающим мокрым доскам обратно к подъемнику, предельно усталые, подумалось: мы воевали честно и не просили пощады!».

Таков он и в искусстве. И еще он любит повторять, приступая к какому-то очередному делу: что ж интересно, ибо не доводилось делать раньше, будто с начала.

О. ХАНЕВ